

Душепопечение В ВОЕННЫХ ГОСПИТАЛЯХ

НОВАЯ СТРАНИЦА БОЛЬНИЧНОГО СЛУЖЕНИЯ

С началом специальной военной операции в сферу пастырского и социального служения Русской Православной Церкви вошли госпитали, где военнослужащие восстанавливают здоровье после ранений. Опыт духовного окормления и ухода за больными, приобретенный священнослужителями в «красной зоне», вновь оказался востребован. Как и в период пандемии, многие пастыри снова по зову сердца пришли на помощь тем, кому трудно. Но сложностей в этом деле оказалось немало. О сложившейся практике окормления раненых военнослужащих и трудностях, с которыми пришлось столкнуться, священники рассказали «Журналу Московской Патриархии».

«Отче наш»

Специальная военная операция на Украине постепенно выявляет все большую потребность военных госпиталей в священниках, сестрах милосердия и волонтерах. Сами врачи признают, что ту духовную поддержку, которую оказывает духовенство раненым военнослужащим, ничем другим восполнить нельзя. Можно сделать человеку сложную операцию, но даже лучшие медикаменты будут бессильны, если больной в унынии и у него нет желания исцелиться. Неслучайно еще знаменитый русский врач Н. И. Пирогов говорил, что оптимистичный и бодрый настрой очень влияет на выздоровление солдата. У медицины, как известно, нет средств воздействовать на внутренний настрой человека. Вылечить душу способна только Божия благодать.

Между тем пастыри отмечают, что и до спецоперации на Украине, и в самом ее начале отношение военнослужащих к духовенству в госпиталях не везде было благожелательным — в некоторых учреждениях оно колебалось от недоверчиво-настороженного до полного отторжения. В частности, с этим столкнулся клирик воронежского храма в честь Рождества Христова иерей Артемий Азовский, когда на Крещение Господне некоторые русские военнослужащие, находившиеся в палатах воронежского госпиталя, просили не кропить их святой

водой и отворачивались к стене. На молебн в госпитальном клубе в самом начале СВО соби-рался, по его словам, в основном медперсонал и очень редко — один-два бойца.

— Но сейчас и на молебн, и на панихиду, и на соборование уже приходит каждый раз до двадцати человек, — улыбается отец Артемий. — Также среди раненых выросло число желающих креститься, исповедоваться и причаститься. Был случай, когда я даже повенчал одну семейную пару, — они оба были военнослужащими, муж у нас долечивался.

По словам госпитального духовенства, возросший интерес к вере объясняется просто: у человека, который смотрит смерти в лицо, происходит переоценка ценностей — приходит понимание, что спасти и защитить его там, где можно погибнуть в любую минуту, может только Господь.

Клирик московского храма Николы в Кузнецких проректор по социальной и миссионерской работе ПСТГУ священник Филипп Ильяшенко рассказывает, что недавно услышал в госпитале от одного раненого такое признание: «Батюшка, мне не надо объяснять, зачем нужно креститься. Я верю в Бога. Там, “за ленточкой”, я поклялся, что крещусь». Боец добавил, что при наступлении его подразделение попало под вражеский огонь. Он укрылся от обстрела в воронке прямо перед опорным пунктом

Клирик Свято-Климентовского Инкерманского мужского монастыря (Севастополь) дьякон Виталий Дзекан раздает раненым военнослужащим иконки святителя Луки (Крымского)

Сестра милосердия Жанна Сагайдачная из епархиального сестричества во имя преподобного Серафима Саровского. Ростовская-на-Дону епархия (фото Марии Гиченко)

противника. На беду, заклинило автомат. Лежа на спине, приводя в порядок оружие, он увидел, как через кусты в него летит граната. Она упала ему на грудь, но он успел откинуть ее в сторону, прежде чем она взорвалась. Противник кидал в него гранаты и обстреливал еще около двух часов. А парень все это время читал молитву «Отче наш» и как мог молился своими словами. Получил несколько ранений в ноги и в спину. Когда враг потерял к нему интерес, боец потихоньку дополз до своих. «Евангелие я прочитал и теперь хочу креститься», — закончил он свой рассказ.

Тяжелораненые бойцы признаются, что от общения со священником у них становится радостнее на душе, уходят мрачные мысли и возвращается надежда на выздоровление.

Похожими историями очевидной помощи Божией, когда воины выжили под завалами после обстрела благодаря молитве, в хранящемся в нагрудном кармане Евангелии застрял осколок, а осколки от мины, разорвавшейся возле окопа, где стояла икона, разлетелись в стороны, не причинив вреда солдатам, может поделиться каждый госпитальный священник. Но вместе с тем, как отмечают опрошенные священнослужители, все же у большинства бойцов

сложилось только общее представление о Православии, они никогда не были в храме, не общались со священником и даже не знают, о чем с ним говорить. Хотя многие раненые крещены, практически все они нуждаются в катехизации. В этой работе трудно переоценить роль сестер милосердия. Поэтому так важно, когда администрация госпиталя не препятствует их участию в уходе за ранеными.

— Именно с сестрами милосердия может состояться первый разговор бойца о вере по душам, а уже потом он может решиться побеседовать и со священником, — говорит помощник председателя Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами России, ответственный за окормление военных госпиталей иерей Владимир Суханов. — Сестры как добровольцы не только ухаживают за ранеными (моют, бреют, стригут, кормят, дежурят в реанимации и в операционной), но при необходимости связываются с их родственниками, отвечают на простые вопросы раненых о Церкви, о православной вере, о Боге, о Евангелии, узнают об их духовных потребностях, чтобы потом известить об этом пастыря.

Помощь сестер милосердия неоценима и когда военнослужащие боятся сказать родственникам правду о своем ранении, не зная, как те примут эту новость. И тогда на помощь приходят добровольные помощницы медиков — звонят близким, находят нужные слова, чтобы рассказать о подвиге бойца, выполнявшего свой долг, и поясняют, что сейчас он как никогда нуждается в их любви, поддержке и понимании. А в Петербурге они даже организуют паломнические экскурсии для родственников раненых и открыли проект «госпитальная почта», цель которого — наладить переписку раненых со школьниками.

Однако независимо от того, помогают ли в госпитале сестры милосердия или нет, они не заменят священника. И поэтому ему так важно уметь установить контакт с ранеными военнослужащими, чтобы расположить их к себе, ответить на вопросы, но главное — помочь им открыть в своем сердце Христа. Как емко сформулировал цель посещения госпиталей один из священников: «Моя задача — разделить страдание раненого бойца и в этом соучастии, сострадании помочь ощутить присутствие Бога

в его жизни». По наблюдениям иерея Филиппа Ильяшенко, число желающих исповедаться и причаститься в госпитале, который он посещает, за последнее время выросло кратно. Бойцы, особенно тяжелораненые, признаются, что даже просто от общения со священником у них становится радостней на душе, уходят мрачные мысли и возвращается надежда на скорое выздоровление.

От слов своих оправдаешься

Чтобы с первых минут установить контакт с ранеными бойцами, особенно если в госпитале нет сестер милосердия, священник должен обладать жизненным и пастырским опытом, быть всегда спокойным, оптимистично настроенным и уверенным в себе. Его не должен смущать тот факт, что он не служил в армии или не был «за ленточкой», — намного важнее иметь любовь к людям и искреннее желание облегчить боль другого. Иногда для бойцов имеет значение армейское прошлое священнослужителя. Чтобы снять напряженное недоумение и вызвать доверие к себе, священнику петербургского храма Преображения Господня в Лигове Вячеславу Кабанцу приходилось показывать раненым бойцам свое фото того времени, когда он служил в морской пехоте.

Бывает, что солдат уверен, что его может понять только тот священник, который сам неоднократно бывал «за ленточкой». По опыту отца Владимира Суханова, сразу установить доверительные отношения, когда боец в лоб задает вопрос: «Вы же не участвовали в боях, как вы меня поймете?», не получится. Такая позиция может быть мотивирована глубоким стрессом, который пережил этот человек на фронте и последствия которого его до сих пор мучают. Например, он считает, что якобы именно из-за его ошибки погибли подчиненные в последнем бою. Такому бойцу нужно время, чтобы привыкнуть к священнику, признать его своим, объясняет отец Владимир. А это возможно в двух случаях: либо воин начинает доверять человеку, облеченному священным саном, узнав, что тот был на позициях, участвовал с военными в операциях, либо боец располагает к пастырю, поверив, что тот приходит к нему не из формальных соображений. Но для этого нужно приходиться в госпиталь регулярно и пооб-

щаться с этим человеком несколько раз, а иногда просто помолчать и дать ему выговориться. По мнению отца Филиппа Ильяшенко, таких трудностей обычно не возникает, если священник способен показать и проявить к человеку сострадательную любовь.

— Входить к раненым в палату нужно с чувством, что здесь лежат твои близкие люди, в каком-то смысле даже родственники, — согласен с ним иерей Вячеслав Кабанец. — Должно быть сердечное участие в том, что ты делаешь, упование на Божию милость, твердость и уверенность в своей правоте. Ты — священнослужитель, и ты занимаешься важными вещами.

Врачи не могут повлиять на внутренний настрой человека. Вылечить душу способна только Божия благодать.

Конечно, как объяснили опрошенные нами священники, каждый раз разговор начинается по-своему, универсальных рецептов нет. Самое простое — это представиться, сказать, что на ближайшей Литургии будешь поминать раненых воинов, предложив помолиться за всех в этой палате и их близких.

— На это вам могут резонно ответить, что они имена сослуживцев не знают — только позывные, — продолжает отец Филипп. — Ничего страшного. Если они крещеные, тогда я в алтаре помяну их как «православных вождей, воинов наших, на поле брани находящихся, которых

Священник Олег Мирошников с военнослужащим в госпитале

Ты знаешь по именам». А некрещеных помяну в личной молитве. Некоторым даже в голову не приходит, что в этом поминальном списке о здравии можно записать и себя. Или скажут: «У нас и мусульмане есть». Скажите: давайте я запишу их отдельно и сугубо о них помолюсь. И бойцы поймут, что ты не взять что-то пришел у них, а, наоборот, пришел чем-то поделиться, что-то предложить.

У того, кто смотрит смерти в лицо, происходит переоценка ценностей — приходит понимание, что спасти и защитить его на поле боя может только Господь.

Если у вас есть с собой святое масло, пастыри советуют предложить бойцам их помазать и в процессе поинтересоваться их самочувствием. Не бояться спросить: «Больно тебе? Обезболивающие делают?» По реакции сразу видно, хочет или нет он с вами поговорить. «Да, но как бы мало», — допустим, отвечает боец. Можно позвать медсестру, сказать ей об этом, попросить помочь. Если боец готов к общению, то расспросить, знают ли родственники о его ранении, приезжают ли? Есть ли жена, дети? Откуда родом, где служил? Какое ранение, как это случилось? Можно пример привести, что до него тут лежал солдатик с похожим ранением, быстро поправился и уже дома. К слову, в некоторых госпиталях сестры милосердия просят выписавшихся бойцов присылать видео о своей нормальной, здоровой жизни после госпиталя, чтобы показывать их в качестве примера тем, кто в настоящее время лежит с похожим ранением и унывает.

— Важно постараться уделить внимание каждому, но при этом ваше поведение должно быть естественным. Не упускайте возможности похвалить ребят за их ратный подвиг, — советует отец Вячеслав Кабанец. — Для раненых очень важно чувствовать, что их участие в СВО не напрасно, что это ценится обществом, что они герои, и мы надеемся на них. И неважно, какой он веры, потому что в утешении и добром слове или хотя бы просто в беседе о жизни нуждаются многие. И никакой критики ни в чей адрес — только положительный, жизне-

утверждающий диалог. Разговор о вере в таких обстоятельствах начинается естественно, в процессе общего разговора. Можно спросить: а ты крещен или нет? Если крещен — когда исповедовался последний раз? Если не знает, как это сделать, — дать книжку, например «Опыт построения исповеди» архимандрита Иоанна (Крестьянкина). К тому же нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что ваш рассказ о Христе, адресованный конкретному бойцу, слышат его соседи по палате, которые тоже могут задуматься о принятии Православия. Примечательно, что даже неверующие иногда желают принять Крещение, если видят ваше участие и поддержку, искреннее желание помочь.

В отношении приватности исповеди возможны самые разные варианты. Если боец лежачий, то можно попросить остальных ходячих выйти из палаты на время исповеди, а к тем, кто не в силах передвигаться, можно обратиться с просьбой надеть наушники и послушать музыку. Если это невозможно, священнослужители советуют включить песнопения на мобильнике и поставить его рядом на тумбочку. Кто-то из пастырей склоняется к раненому, и тот исповедуется ему на ухо. Но можно встретить и таких бойцов, которые не стесняются своих грехов, — им нужно выговориться, и они не обращают внимания на тех, кто находится в палате.

Вместе с тем, по мнению военного духовенства, нужно быть готовым к тому, что кто-то все же наотрез откажется общаться со священником или будет протестовать или задавать каверзные вопросы. Обычно это убежденные атеисты или неоязычники. Мнения, как поступить в этом случае, разделились. Одни священники считают, что в такой ситуации нет смысла навязывать свое внимание, тем более что рядом много тех, кто в нем очень нуждается, другие с этим не согласны.

— Однажды, едва переступив порог палаты, я услышал: «Мне ничего от вас не нужно, можете не заходить сюда», — рассказывает иерей Олег Мирошников, настоятель госпитального храма святителя Луки Симферопольского в пос. Новый в Московской области, подполковник запаса. — В палате стояла всего одна кровать, на которой лежал обездвиженный после ранения боец. «Ну не надо, так не надо, — спокойно согласился я. — Но давай хотя бы просто пого-

ворим». Мы побеседовали с ним о жизни, о семье, откуда он, как попал на фронт. Через несколько дней я зашел к нему снова, и он рассказал, что он неоязычник. Судя по наколкам, я так и предполагал. На этот раз речь зашла о вере. Я сказал ему, что, наверное, это Христос спас его в последнем бою, а не какие-то его боги. И потом уже, когда я проходил мимо его палаты, он всегда кричал, чтобы я зашел. Уверовал он в Христа или нет, я не знаю — его перевели в другой госпиталь. Но надеюсь, что после наших бесед в его восприятии мира что-то изменилось.

Если же попытки установить контакт не удаются и очевидно отторжение, тут, как говорит пастырь, возможна другая тактика. Он вспоминает, как в одной из палат лежал совсем молодой боец, лет двадцати, весьма категорично настроенный против гостя в облачении. Видя это, священник разговаривал с другими ранеными, но его вопросы, как бы обращенные ко всем, косвенно касались и этого бойца. А через некоторое время отцу Олегу позвонила мама того солдата и сказала, что он решил креститься.

— Я думаю, тут важно, чтобы, увидев священника, они поверили, что это не что-то опасное и чужеродное, а такой же человек, как они, но который молится за них, искренне желая им добра, — размышляет иерей Олег Мирошников.

По опыту иерея Вячеслава Кабанца, в таких случаях нужно постараться найти ту нить, которая связывает вас с «протестующим» бойцом. И чаще всего она находится где-то посередине между православием и военной тематикой. По мнению отца Вячеслава, говорить надо о том, что ты тоже офицер, знаком с армейской службой, и главное здесь — протянуть ему руку, пожалеть, поддержать, приободрить, но к каждому, по его словам, требуется индивидуальный личностный подход.

— Был случай, когда боец в раздраженной форме стал задавать мне острые вопросы: для чего эта война? зачем мы туда пришли? — вспоминает священник. — И я спокойно, не спеша начал с ним общаться, аргументированно отвечая на его вопросы. В итоге через полчаса тяжелого, нервного диалога человек исповедался и причастился.

Шестая заповедь

Раненые военнослужащие задают священнику самые разные вопросы, среди которых наиболее мучительный — нарушение шестой заповеди. «Мы понимаем, что убиваем врагов, но это же все равно

Иерей Дмитрий Мягков, настоятель госпитального храма в честь Луки Войно-Ясенецкого. Ростовская-на-Дону епархия (фото Марии Гиченко)

РЕКОМЕНДАЦИИ ОТ СВЯЩЕННИКОВ, НЕСУЩИХ СЛУЖЕНИЕ В ВОЕННЫХ ГОСПИТАЛЯХ

1. Нельзя показывать бойцам свое уныние, пастырь должен приходить к раненым только в хорошем настроении, иначе разговор, тем более на духовную тему, не получится.
2. Не относиться к раненым бойцам с излишним сочувствием, как к беспомощным болящим младенцам. Они хорошо чувствуют фальшь и будут защищаться — контакт будет невозможен.
3. Следует внимательно следить за речью — в беседах недопустим сленг и чрезмерное обсуждение политической ситуации.
4. В беседе нужны честность и искренность, не должно быть расхожих фраз: «Все будет хорошо» или «Я тебя понимаю». Они обесценивают переживания человека и вызывают раздражение.
5. Если человеку требуется внимание священника, значит его нужно уделить в должной мере, разговор на бегу проблем не решит и может полностью дискредитировать в глазах раненого Православную Церковь.
6. Необходимо чувствовать психофизическое состояние бойца в данный момент. Пережив стрессовую ситуацию или испытывая сильные боли, человек может находиться под действием лекарственных препаратов или же вследствие бессоницы быть неготовым к адекватному общению.
7. Следует выстраивать работу в лечебных учреждениях так, чтобы не мешать медперсоналу выполнять свои задачи.
8. Не следует складировать на подоконниках, в коридоре иконы, молитвословы, Евангелие. Оттуда их мало кто из бойцов берет. Человеку надо вручать их в руки: «Это тебе от меня — на память».

Иерей Артемий Азовский раздает военным служащим духовную литературу

люди. Считается ли это смертным грехом?» — спрашивают они.

— Да, мне тоже приходится слышать от бойцов этот вопрос, — подтверждает отец Филипп. — У нашего канониста протоиерея Димитрия Пашкова есть на эту тему доклад, который был представлен на вебинаре для духовенства после начала спецоперации.

Задача пастыря — разделить страдания раненого бойца и в этом соучастии, сострадании помочь ощутить присутствие Бога в его жизни.

Один из поставленных там вопросов: можно ли причащать воевавших бойцов или нужно отлучать их от Церкви и накладывать разные прещения и епитимии? Так вот, канонически в таких случаях причащать и можно, и нужно. В подтверждение этой мысли отец Димитрий приводит слова одного из столпов Православной Церкви святителя Афанасия Великого из

его «Послания к Аммуну монаху»: «Непозволительно убивать; но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно. Так, великих почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния». И когда мы говорим об этом с бойцами, я объясняю им разницу: грех — это издеваться и убивать безоружных пленных и мирных жителей. Противник на войне — не ваш личный недруг, а враг Отечества. Ваш долг в этом случае — защитить ближнего, отстоять мир. Но вместе с тем любое убийство искажает замысел Бога о человеке, и в этом надо покаяться, чтобы вернуть себе мирное внутреннее устройство, — продолжает отец Филипп. — К слову, среди раненых и искалеченных воинов в госпиталях мне не встречались пацифисты. Даже у тех, кто сначала не понимал, зачем нужна спецоперация, но пошел по призыву и вернулся сейчас из-за ранения, нет вопросов. Они понимают, что столкнулись с inferнальным злом. И если не победить его там, скоро оно будет здесь.

Молитва матери со дна моря достанет

Известно, что выздоровление раненого во многом зависит еще и от внимания к нему его близких. Но иногда, видя, в каком сложном положении находится их сын или муж, родственники, не имея духовной опоры, сами начинают унывать. И помощь требуется уже им самим. Оказать ее может только священник, постепенно подводя их к пониманию необходимости обратиться ко Христу как единственно возможному источнику благодати, надежды, радости и исцеления.

— Я беседую с женами и мамами, поддерживаю, утешаю, учу их молитве, объясняю, какой может быть молитвенная помощь их раненым воинам, знакомя с азами православной жизни, — добавляет иерей Олег Мирошников. — А кто-то из них сразу приходит в храм и спрашивает, что делать, кому молиться. И мы вместе служим молебны, по их просьбе я исповедую, причащаю, соборую их мужей и сыновей.

Священники свидетельствуют, что молитва близких иногда творит настоящие чудеса. Несколько таких случаев было и у отца Олега. Полгода назад ему пришлось посещать в реанимации молодого солдата, у которого были множественные ранения и ампутирована нога.

— Шансы, что выживет, были близки к нулю, — вспоминает пастырь. — Врачи ввели бойца в искусственную кому. Я приходил и соборовал его (он прежде просил об этом), помазывал святым маслом. Причащать было невозможно, из горла торчала трубка. Мама солдата молилась и днем и ночью, буквально не выходя из храма. Через три месяца боец пришел в себя, его перевели в обычную палату, и он пошел на поправку.

Между тем хотя и редко, но можно столкнуться с непониманием и нежеланием родственников даже в такой кризисной ситуации идти на контакт.

— Однажды близкие солдата мне так и сказали: «Вы к нам даже не подходите и не разговаривайте», — вспоминает иерей Вячеслав Кабанец. — Трудно сказать, чем это было продиктовано, но в таких случаях я просто ухожу. Любая попытка поговорить с такими людьми вызывает агрессию, которая не нужна ни раненым бойцам, ни медикам.

Метод монаха Киприана

Когда врачи оказываются бессильны улучшить психологическое состояние раненых бойцов, находящихся в сильном унынии, они обращаются за помощью к священникам. Чаще всего такое состояние связано с тяжелым ранением (потеря зрения и/или обеих ног/рук). Если больной впадает в уныние, нужен особый подход. В таких ситуациях может быть полезен опыт наельника Высоко-Петровского монастыря инока Киприана (Буркова), Героя Советского Союза, в прошлом кадрового военного, лишившегося в Афганистане обеих ног. Отец Киприан регулярно посещает госпитали, где лежат бойцы с тяжелыми ранениями, чтоб их подбодрить. Как признаются сами воины, с ним очень приятно общаться, он буквально

Монах Киприан (Бурков), наельник Высоко-Петровского монастыря (вверху)

Сестра милосердия Евгения Соломатина из епархиального сестричества во имя преподобного Серафима Саровского. Ростовская-на-Дону епархия (внизу) (фото Марии Гиченко)

заряжает энергией, ребятам становится легче на душе, и, по словам одного из них, «сразу начинаешь строить планы на будущее, даже если это просто разговор о жизни».

— С человеком надо сначала подружиться, поднять дух, ободрить, воодушевить на живых примерах людей, чья жизнестойкость, сила духа, мужество помогли преодолеть, казалось бы, самые сложные препятствия. Но главное пробудить в нем веру, что если это смог другой человек, то сможет и он. И что с его ранением жизнь только начинается. А уже потом заводить разговор о Православии. Верующих по-настоящему не так уж и много, — рассуждает отец Киприан.

Священника не должен смущать тот факт, что он не служил в армии или не был «за ленточкой», — намного важнее иметь любовь к людям и искреннее желание облегчить боль другого.

По его словам, первая мысль у человека, который получил серьезные увечья и пришел в себя после операции, — «Как я буду жить дальше?» Осознав свою физическую немощь и не представляя дальнейших перспектив, он очень быстро впадает в уныние, отчаяние, у него могут появиться даже мысли о самоубийстве. Поэтому главная задача на первое время — помочь этому бойцу увидеть образ будущего, в котором есть место и для радости, и для творчества, и для реализации своих жизненных планов. В этом могут помочь и медперсонал, и священник, и сестры милосердия, и волонтеры.

— В прошлом году я познакомился в госпитале с Александром, участником СВО, ослепшим из-за ранения. Но руки-ноги, слава Богу, у него были целы. Захожу в палату, он сидит печальный, рядом жена такая же грустная. Спрашивать, как настроение, конечно, в этом случае бессмысленно, — считает отец Киприан. — Я представился и спросил: «Хочешь, познакомлю с ветераном-афганцем, который тоже потерял на войне зрение, но, несмотря на это, состоялся в жизни, а сегодня является депутатом Московской областной думы?» Александр, конечно же, согласился. Через несколь-

ко дней они встретились, поговорили, парень воспрял духом.

Встреча инока Киприана с бойцом состоялась прошлой весной. Автор статьи связался с Александром, и тот рассказал, что стал членом Всероссийского общества слепых, где ему помогли пройти реабилитацию. Его жизнь налаживается — недавно родилась дочь. С планами на будущее он пока не определился, но уже выучил азбуку Брайля, научился писать по этой системе, теперь понемногу осваивает чтение.

— К сожалению, у нас с супругой нет возможности часто посещать храм. Но когда на меня находит уныние, мне стоит только подумать о Боге, — признается он, — и я сразу ощущаю рядом Его присутствие. Мне становится намного легче. И я благодарен отцу Киприану за тот разговор — тогда, в госпитале, он действительно помог мне выбраться из трясины уныния.

Наряду с ранеными, которым нужна пастырская помощь, в духовной поддержке нуждается и медицинский персонал госпиталей, который тоже мужественно несет свой крест. Их смена может длиться по 14 часов. Они в любое время дня и ночи на посту — встречают борта и доставляют раненых в госпиталь. Врачи сразу же оказывают необходимую помощь, проводят сложнейшие операции. Средний и младший медперсонал делают перевязки, которые часто длятся по часу-полтора. И в основном это женщины.

— Они очень выматываются, но продолжают изо дня в день профессионально выполнять свою работу, спасая жизни других. Это совершеннейшие подвижники и герои, и они тоже нуждаются в сугубом попечении священника — в поддержке, внимании, участии и заботе, — уверен отец Филипп.

Главная задача священника и на передовой, и в госпитале — помогать солдатам быть с Богом, не забывать о заповедях Господних, не ожесточаться. Никто не знает, сколько продлится эта война, сколько наших воинов будет ранено на полях сражений. Но ясно одно — Церковь должна быть готова оказывать бойцам всевозможную поддержку, через беседы, соборную молитву и церковные таинства помогая раскрыть им души для принятия слова Божия и Его исцеляющей благодати.

АЛЕКСЕЙ РЕУТСКИЙ